

«У каждого должны быть такие люди, в кругу которых можно сесть и поплакать, но при этом и дальше считаться бойцом».

Адриенна Рич

События, описанные в книге, базируются на моем профессиональном опыте и воспоминаниях. Из соображений конфиденциальности я изменила имена коллег и пациенток, а также названия мест. Истории, которые я рассказываю, не касаются какой-то конкретной пациентки, скорее, персонажи сочетают в себе черты разных людей, с которыми мне приходилось сталкиваться. Все совпадения случайны.

С чего все начинается

Очередная ночь, очередная промежность.

Для меня нет ничего необычного в том, чтобы провести ночь между ног у незнакомки. Иногда даже у двух или трех за двенадцать часов. Сегодня, однако, все по-другому. На часах 3:42, и роды идут не по плану. Я сижу, глядя во влагалище так, словно передо мной дуло пистолета. Роды вообще рискованный процесс, этакая физиологическая русская рулетка, но каждая акушерка в душе надеется, что пуля ее минует.

— Я больше не могу, — стонет обессиленный голос.

И в то же мгновение передо мной появляется полоска кожи с темными волосками.

— *Можете, и сможете еще сколько надо,* — отвечаю я голосу.

Потом бросаю взгляд на часы на стене и мысленно отмечаю: «03:44, показалась головка». Позднее

мне придется писать подробный отчет о ходе родов, но этим я смогу заняться лишь после того, как будут убраны в мусорный мешок перепачканные кровью бумажные простыни, на подоконнике будет стоять поднос с чаем и печеньем, а ребенок благополучно появится на свет. *Если он появится благополучно.*

Еще одна схватка прокатывается по телу женщины передо мной; ее раздвинутые ноги дрожат от напряжения, кусочек кожи с волосами становится чуть заметней — головка ребенка проталкивается вперед еще на миллиметр. «03:46», — делаю я следующую мысленную заметку. — «Головка продвигается».

— Да черт вас всех раздери! — восклицает голос в изголовье кровати. — Сделайте что-нибудь! Вытащите его, вырежьте, мне уже все равно!

Столько усилий и почти без результата. Капли пота стекают мне на переносицу; в палате темно, и только одна хирургическая лампа ярким пятном освещает промежность пациентки. У меня на руках стерильные перчатки, я не могу трогать ничего, кроме женщины перед собой. Пот продолжает течь: по носу, по подбородку и дальше на шею.

— Перегородка слишком тугая, — шепчет другой голос у меня из-за спины. Это Мэри, акушерка, пришедшая по моему сигналу, чтобы помочь. — Она не растягивается.

Мэри высказывает мои собственные тайные страхи. Тело роженицы сотрясает новая схватка, но макушка ребенка упирается в толстую кожистую стенку.

Тик, тик, тик... тик... тик... Мы с Мэри одновременно выпрямляем спины, услышав, как сердцебиение плода замедляется, становясь неравномерным. Это тревожный знак. «03:49, прослушивается децелерация до 96 ударов в минуту». То, чего мы больше всего боялись.

— Ваш ребенок начал устывать, — осторожно сообщаю я женщине на кровати.

— Не он один, — откликается голос, теперь измученный и слабый.

Еще одна схватка подталкивает головку ребенка наружу, но натянутая кожа не дает ей выйти.

— Придется делать эпизиотомию, — шепчет Мэри.

Я оглядываю лоток с инструментами, стоящий у меня под рукой, на металлической тележке справа. Зажимы для пуповины, вода, вата, гигиенические прокладки. Маленькая пара закругленных ножниц для перерезки пуповины и еще одна пара более длинных с короткими прямыми лезвиями, чтобы резать кожу и мышцы. Недавно у больницы сменился поставщик, и — вряд ли по чистому совпадению, — ножницы нам стали попадаться исключительно тупые. «Подешевле и попроще» — этот

девиз можно было бы отпечатать на футболках для персонала, возмущаясь я про себя, прислушиваясь к продолжающему замедляться сердечному ритму на мониторе. Потом встряхиваюсь и возобновляю свой мысленный отчет. «15:51», — думаю я, но тут сопоставляю это время с остальными записями. Похоже, от усталости мой мозг решил, что сейчас дневная смена. «03:51», — начинаю я заново. «Сердцебиение плода 108 ударов в минуту, децелерация сохраняется. Подготовка к эпизиотомии».

— Нам придется сделать небольшой надрез, — веселым тоном объявляю я, обращаясь к голосу в изголовье кровати. — Просто чтобы помочь ребенку выйти наружу.

В акушерстве все «небольшое»: небольшой надрез, небольшой разрыв, небольшое кровотечение — причем под последним может подразумеваться что угодно, от нескольких капель до целого потока. Эвфемизмы — одна из наших сильных сторон: мы быстро учимся все преуменьшать и сглаживать. Жестокость родов и без того очевидна, тут и выдумывать ничего не надо.

Из монитора несется хаотичный перестук, пульс ребенка опустился до семидесяти четырех ударов в минуту — почти в половину меньше нормы, — и не возвращается в пределы нормы между схватками. Мэри передает мне ножницы. На краю тележ-

ки стоит флакон с лидокаином, но сердцебиение плода продолжает замедляться, и у нас нет времени на местную анестезию.

— Черт, черт, черт!

Чей это голос? Пациентки или мой собственный, у меня в голове? Руки у меня трясутся от нервного напряжения и множества чашек кофе, но я ввожу два пальца за кожную перегородку и оттягиваю карман над головкой ребенка, где могу резать, не опасаясь ее повредить. Это называется медиолатеральная эпизиотомия. В действительности же это разрез через мягкие ткани под углом на восемь часов, наносящий серьезный ущерб тазовому дну, но позволяющий облегчить прохождение ребенка через родовые пути. Я ненавижу его делать. Ненавижу резать женщин, причинять им боль, которая не пройдет еще несколько дней, а то и недель, ненавижу то, что через полчаса, если все закончится благополучно, мне придется самой заштопывать этот разрез. Только-только пациентка успокоится, устроив ребенка у себя на груди, как начинается второй раунд: мытье рук, чистый халат, стерильный набор инструментов, изогнутая игла и шелковая нить, которую я держу на весу, готовясь устранить причиненный ущерб.

Я беру ножницы. Новая схватка прокатывается по телу женщины, ребенок пытается вырваться наружу.

— Иисус, Мария, аааааааааа, — хрипит голос. «Пожалуйста, пускай эти ножницы окажутся острыми», — говорит тихий, но не менее настойчивый голос у меня в голове. — «Пускай этот ребенок появится, наконец, на свет. Пусть все пройдет хорошо». И в самом конце извечная молитва всех акушерок по всему миру: «Пожалуйста, пусть ничего ужасного не случится, и меня не выгонят с работы, и, пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста, пускай мой мочевой пузырь продержится еще хотя бы час, пока я тут не закончу».

Еще нет и четырех утра. Я не спала почти двадцать четыре часа. Ножницы разрезают кожу. Как же я здесь оказалась?

О шарах для боулинга и родах вообще

Впервые о родах я услышала от Майка Каца, серебряного призера конкурса Мистер Олимпия 1976 (в категории тяжеловесов) и обладателя множества прочих звучных титулов, как то: Мистер Несокрушимый (девятое место, 1963), Мистер Вселенная (высокий рост, третье место, 1973) и Мистер Америка (четвертое место, 1970). Майк Кац — или мистер Кац, как нам следовало его называть в школе, — ветеран бодибилдинга, преподаватель и хоккейный тренер, в свое время поставивший рекорд по обхвату грудной клетки, 152 см, ходил по школьным коридорам, едва не задевая стены своими мощными бицепсами, которые никак не хотели прилегать к громадному торсу.

Хотя силовые тренировки и наращивание мышечной массы не входили в сферу моих интересов, все ученики обязаны были посещать класс «медицины», который вел — угадайте кто? — мистер Кац. Уроки

вертелись в основном вокруг школьной подборки обучающих фильмов, посвященных разным потенциальным опасностям, от употребления алкоголя за рулем до ранних половых связей. Однако гвоздем программы, как ни странно, оказалось видео о родах. Когда наступил его черед, мистер Кац встал посреди класса, торжественно нацелил пульт дистанционного управления на видеомагнитофон, и перед нами на экране, без предварительного вступления в виде рассказа о схватках, появилась непосредственно съемка родов. Телевизор зарябил, а когда полосы прошли, мы увидели увеличенное изображение головки ребенка, вылезавшей у женщины между раздвинутых ног. На заднем фоне слышались крики, текла кровь, а головка ребенка становилась все больше, растягивая вульву бедняжки до прямо-таки невероятных размеров. Мальчишки завозились на своих местах, не зная, как реагировать: с отвращением или с восторгом, ведь им, как-никак, продемонстрировали обнаженные женские прелести. Девочки ежились и смаргивали, но не могли отвести от экрана взгляд. Это что же, и есть наше будущее? С нами тоже так будет? Когда уже прекратятся эти крики? А в самом центре, скрестив на груди руки, с блеском в глазах и с торжествующей улыбкой, возвышался мистер Кац.

— Только посмотрите на это, молодежь! Все равно что чертов шар для боулинга!

Мистера Каца, конечно, не назовешь светилом акушерства, но кое-что, связанное с тем видео, запомнилось мне на долгие годы. Несмотря на его жестокую эстетику, я помимо воли испытала то же, что и мистер Кац, чувство восхищения. Мне открылась истина: роды — это действительно чудо. Иногда тяжелое, иногда шокирующее, но чудо. Одно то, что голова подобных размеров способна проникнуть в узкую трубку влагалища, уже способно впечатлить даже самого цинично настроенного очевидца. Я же в свои шестнадцать задалась и еще одним вопросом: могут ли женщины рожать как-нибудь по-другому? Например, сидя? Или стоя? С улыбкой, даже смеясь? Что происходило с женщиной за кадром, что было у нее на лице, на душе, на сердце — выше этого отрезанного изображения вульвы?

В последующие годы я вспоминала о таинстве деторождения лишь мимоходом, пока наконец в возрасте двадцати пяти лет и в статусе новобрачной не обнаружила, что мысль завести ребенка с моим прямодушным рыжебородым шотландцем-мужем кажется мне до невозможности привлекательной. Когда мысль материализовалась в виде двух полосок на тесте, я загорелась материнством с той же страстью, с какой раньше его избегала. Я прочитала массу книг, прошерстила весь Интернет и, как образцовая будущая мама-ша, записалась на свои первые курсы подготовки

к родам — или, как они назывались, «Курсы родительского мастерства».

«Родительское мастерство» звучит как какое-то ремесленничество, что-то из проспектов общественного центра искусств вроде пчеловодства, плетения корзин, рисования на молочной пенке поверх кофе и тому подобного. Реальность оказалась немного другой. Место действия: комната без окон в подвале местного родильного дома, полная растерянных супружеских пар с испуганными глазами. Как и много лет назад в классе мистера Каца, я уселась поудобней в ожидании, что сейчас мне откроется вселенская мудрость.

Следующие полтора часа я слушала полное энтузиазма выступление пожилой акушерки с коротко стриженными серебряными волосами и лукавым блеском в глазах, которая, активно жестикулируя, знакомила нас с анатомическими иллюстрациями, расставленными на пюпитрах перед аудиторией. Матка на них изображалась ярко-алой, мочевой пузырь — голубым, а влагалище — розовым, и вся репродуктивная система напоминала завиток экзотической морской раковины. В комнате становилось все жарче, а поскольку дело было в Шотландии, наша влажная одежда вскоре начала издавать характерный запах собачьей шерсти. От короткой серии ударов внутри живота меня внезапно сильно затошнило, в глазах потемнело, и я стала медлен-

но сползать вниз по стулу. Совершенно ясно, Я Для Этого Не Гожусь. За тошнотой и неловкостью на меня навалились паника и сомнения: если я не могу высидеть даже курсы родительского мастерства, то как тогда я справлюсь со схватками, потугами и тем самым неизбежным «шаром для боулинга»?

Однако далее последовало рождение двух моих дочерей, давшее мне прямо-таки полярный акушерский опыт: одно срочное кесарево сечение после длительных тяжелых схваток и домашние роды, стремительные настолько, что мой муж сам принял ребенка еще до приезда акушерки. Как вообще роды могут быть настолько различными? Кажалось, единственный общий знаменатель в обоих случаях — ребенок, но оба раза я оказывалась на грани своих физических и эмоциональных возможностей. Несмотря на все прочитанное, на курсы родительского мастерства и личный опыт, я все равно ничего не понимала. Как так выходит? Как миллионы женщин миллионами разных путей приходят к единому пункту назначения? Существует ли способ сделать их пути более радостными и счастливыми, можно ли передавать и получать эти знания? И если да, то есть ли у меня хоть малейший шанс приобщиться к этой черной магии — у меня, с моей полной безалаберностью, плохой координацией и доходящим до смешного отсутствием здравого смысла? Вопрос, мелькнувший у меня в голове еще

при просмотре видео с родами много-много лет назад, стал внезапно первостепенным, важным и значительным. Работа на телевидении с каждым днем приносила мне все меньше удовлетворения, и я подумывала о том, чтобы сменить профессию, но до последнего времени нежелание вновь садиться за парту пересиливало во мне интерес к акушерству. Но вот мои девочки стали подрастать, новая карьера показалась вполне реальной, и баланс сил изменился. Я начала допускать мысль, что возможно — возможно! — где-то в параллельной Вселенной могла бы стать акушеркой, которая помогает женщинам пройти через беременность и роды, сохранив при этом собственное достоинство (и неповрежденное тазовое дно).

Собеседование при отборе на акушерские курсы сочетало в себе проверку практических навыков и устойчивости к психологическому давлению (что, как я позднее поняла, тоже являлось отличной подготовкой к будущей работе). Две преподавательницы отвели меня в кабинет и стали задавать стандартные вопросы, на которые я отвечала с легкостью: что может быть проще, чем рассуждать о самостоятельности, независимости и правах женщин перед благосклонной аудиторией. «Делов-то!» — думала я, глядя, как экзаменаторы мне ободряюще кивают. И почему другие так боялись?